

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Ежедневный орган Томского Губисполкома и Губнома РКП.

Редакция и контора помещается: ул. Верх. Пискаревская и ул. Ревенство, Телефон № 47.
Редактор принимает ежедневно с 12 ч. до 1 ч. дня, секретарь с 11 до 2 ч. дня.
Платформа на газету принимается в центральности, ежедневно с 9 ч. утра до 3 час. дня, для сов. учреждений и профсоюзных не один раз в Томске 1000 р. в неделю, 2000 р. для торг. пром., предпр. коопер. и част. лиц. в Томске 2400 р. в неделю, 2000 р.
Объявления принимаются в конторе редакции с 9 до 3 час. дня, сов. учр., проф., военн., ч. т. в. не стр., пошт. пром. 1000 р. коопер. арт. торг. пром., предпр. и част. лиц. за стр. пона. 2000 р. Нижегородим на 50 проц. дороже.

Пролетарий всех стран, соединитесь!
Цена от 1 руб. 40 коп. в год.

Сегодня в номере:

- 1. Два года.
- 2. Героическое время.
- 3. Жертвы контр-революции.
- 4. Памяти ослепших.
- 5. Из жизни Красной Армии и др.

№ 284. Суббота, 17 декабря 1921 г.

18 декабря знаменательный в жизни Томского пролетариата: в этот день Томск снова стал красным, 18 декабря—день освобождения от власти тирана, день восстановления власти советов.

Да здравствует Красная Армия, освободительница Сибири! Да здравствует Всемирная Диктатура Пролетариата!

Два года.

Два года тому назад томские рабочие, при поддержке передового на сторону трудящихся колчаковского гарнизона, восстановили в Томске советскую власть.

Под могучим напором победоносной Красной Армии откатывался Колчак, уже с Омска не оказывая почти никакого сопротивления. Кровавые бои под Курганом были последней попыткой белых армий состязаться с рабоче-крестьянской силой.

Разбитые, они покатались. Был занят Омск, столица Правителя, Омск, о котором за неделю до его падения колчаковские газеты трубили, что тут то и копат себе могилу Красная Армия.

Шли марширующие колоннами, огромного моста через Иртыш был похороненм звонном сибирской буржуазии, но он не остановил победительницу; по льду перекатывались тяжелые орудия, по льду перекатывались многотысячные красные полки великую сибирскую реку. На льду установили железную дорогу и по ней перекатывали целые поезда.

Откатывающийся Колчак в тылу своей многочисленной партизанские отряды, которые шли на соединения с регулярными советскими частями.

С замиранием сердца следили трудящиеся Сибири за разгоревшей борьбой и когда обстановка складывалась так, что перевес сил был на стороне готовящихся к востанью, они выходили на улицу и брали власть в свои руки еще до прихода Красной Армии во всеобщее счастье, тем, что раскаты грома уже долетали до ушей белых которые в панике бежали.

Так было и в Томске, 1 1/2 года сибирской реакции вырвали из рядов подпольной организации самых лучших ее работников.

Несколько раз терпел разгром подпольный комитет большевиков, но последние аресты вырвавшие из его рядов 18 лучших товарищей, в конце обекровали работу.

И все же она шла, она не могла остановиться эта титаническая работа организации боевых рабочих сил, не могла остановиться работа по объединению воинских частей, так как существующее правительство делало все, чтобы зачехлить пожар.

Сложные деревни устилали путь карательных отрядов и на месте обгоревших леей и замученных крестьян оставалась глухая ненависть и жажда мщения.

Оставшиеся в живых ухаживали в Тайгу, организовали партизанские отряды и кланьлись победить или умереть. И эти отряды не мало способствовали разгрому Колчака. Они пускали под откос поезда с продовольствием, нападали на воинские отряды идущие на подкрепление разбитым частям, и тем деморализовали тыл.

В некоторых переговах сибирской магистрали в конце колчаковщины движение производилось только днем и в определенные часы под охраной бронепоезда. По необъятным пространствам Сибири выросли партизанские фронты. В городах уж организация принимала все меры чтобы сколотить боевые части. Только удалось в одном месте задушить революционную работу она с новой силой возобновлялась в другом, все прокатывало вглубь и шире.

Отступающая колчаковская армия попадала в такую обстановку, что о сохранении своей боеспособности ей и мечтать не приходилось, лишь бы ноги унести—вот чем мечтал белогвардеец, а мобилизованные обманутые Колчаком крестьяне целыми частями с песней революционных песен и знаменами переходили на сторону советских войск.

Томские рабочие, видя как постепенно уносит ноги бело-гвардейцы, ударили им в тыл и 18-го декабря власть в городе была в руках трудящихся. А через несколько дней в город вошли регулярные части Красной Армии, с энтузиазмом встреченные как избавители.

Сегодня 2 года как Томск снова стал красным.

2 года Томск свободен от ига Колчака, 2 года томские рабочие и крестьяне строят свою новую свободную жизнь. 2 года пролетариат борется с разрухой, двумя годами ближе к торжеству на земле социализма.

Красная Армия на штыках своих принесла освобождение сибирскому труженику, Красная Армия на этом празднике трудящихся должна занять почетное место.

Тысячам павших в великой борьбе, замученным в колчаковских застенках, запоротым в деревнях, растерянными в полях, удушенным в муках вечная слава.

Да здравствует великая освободительница Сибири Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Да здравствует Советская Сибирь.

Р. А.

Героическое время.

Экономические условия—анархия в производстве и распределении буржуазного строя заставлял человеческую личность не участвующую в непосредственной борьбе с природой—видеть в реальной жизни—хаос, случайность, ибо личность в буржуазном обществе вступала в борьбу с хаосом, анархией.

Различные личности и общества, враждебные позиции, которую занимали они по отношению друг к другу—вот что заставляло некоторых представителей буржуазии отчуждать и государство и власть, каковую бы то ни было.

Из обстрактных предположений вытекала и непосредственная задача для разрушения. Но если по времени эта идеология анархизма совпала до некоторой степени с задачей поднимавшего голову рабочего класса, то в дальнейшем дороги должны были разойтись. Это противопоставление личности и общества в буржуазном обществе, в области морали, заставляло создавать личную мораль и теоретически обобщать нравственность, при помощи которых буржуазия могла держать в своих руках личность.

Рабочий класс в чудотворной борьбе подготовлявший пути к власти, путь к своему освобождению должен был выработать для этой борьбы объединенное классовое сознание; одну мораль и одно полное мировоззрение. Классовая пролетарская мораль растворяет индивидуальную личность в общих интересах.

Личность и класс, интересы их сливаются.

Классовый альтруизм—подготовлявший и пятилетний обобщенным коллективным трудом и общей борьбой за новый строй,—вот что являлось характернейшей особенностью рабочего класса. Эта связь личности с классом в процессе борьбы создает условия героической преданности делу рабочего класса. Личность отдает себя на борьбу, считается только с нуж-

дами и задачами классовой борьбы.

В эпоху великой революции, грандиозного переустройства общества, эта классовая мораль, объединенное сознание представителей рабочего класса—имеет легендарную историю преданности задачам буржуазной революции. Массы пришли в движение, массы строят новое парство и десятки, сотни отдают свои силы, свою жизнь на торжество этого грандиозного строя. Партия коммунистов, стоящая в главе рабочей революции, должна была повести наибольшее жертвы, в борьбе с буржуазией; партия коммунистов имеет за то историю величайшей преданности делу революции, она имеет имена тех, которые безотрешно шли на муки, испытания и до последней минуты оставались верными коммунизму.

Сибирская коммуна—Советская власть, разбитые и коммунисты, испытанные положение в своей борьбе за рабочую революцию, имеют десятки своих героев, чествование которых является за восстановление в Сибири Советской власти. История борьбы за сибирскую коммунистическую партию героической преданности, героический дух коммунистов.

Их извещательство, их истинная палачей революции не могли сломить коммунистический дух. За два часа до казни коммунисты произнесли: «я умираю за социальную справедливость».

И шли бесстрашно на казнь. Что это, героизм?—Нет, для коммунистов это неизбежность.

Мы знаем имена Суховерхова Рабиновича, Нахаловича, Челопова, но многие десятки, сотни борцов ушли в могилу, не оставив нам своего имени. Героическая эпоха великой рабочей революции имеет сотни, тысячи борцов, героически погибавших за торжество рабочего класса. Имя этих героев—рабочий класс.

Конст. Молотов.

Жертвы контр-революции.

(Как умирают коммунисты).

На основании изложенного: 1) Герасимов Татьяна, кр. Омской губ., 2) Барышников Александр, Фельдфебель 11 роты 5 Томск. полка, 3) Поффе Сава—Цалов, нем. гор. (Мстиславль), 4) Якимович Осип, кр. Томской губ., 5) Марковский Луиза Павлов, кр., 6) Жалгарев Сергей, кр. Орловской губ., 7) Муравь Евгений, кр. Томск. губ., 8) Навденко Павел, кр. Оренб. губ., 9) Виктор Николаев, кр. Исковской губ., 10) Павлов Елизар, кр. Томской губ., 11) Спальников Антон, кр. [Томской губ., 12) Шабунин Леонтий кр. Томск. губ., 13) Шилько Людвиг кр. Томской губ., 14) Григорьев Иннокентий кр. Бийской губ., 15) Васильев Константин, кр. Петроградск. губ., 16) Солдатов Михаил, нем. г. Колмаши, 17) Уриков Александр, кр. Томской губ., 18) Васильев Василий, кр. Петроградск. губ., 19) Аверин Павел, нем. г. Томска, объявляются в том, что в г. Томске в феврале и марте текущего года, по предварительному между собой соглашению составили преступное общество под названием «Томский комитет всероссийской партии коммунистов» (больше-

19 декабря, 2 час. дня, в ГАРКЛУБЕ
Томской губернской комиссией по провозке и очистке личного состава Р. К. П. НАЗНАЧАЕТСЯ.
ГЛАСНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СУД.
над членами партии КУДЫНОВЫМ, РУСАЧЕВЫМ и ЯНКУДИМОВЫМ конспиративными своими действиями советскую власть и Р. К. П. Обязательное присутствие присутствия президиума, райкома, управлений, профкозов и секретарей месскома.
Парт—и проф—организации предлагается распространять среди рабочих и служащих.
Выход для всех свободный.

Открытие Горсовета.

— В воскресенье, 18-го декабря (в день освобождения г. Томска от белых банд) в 2 часа дня, в помещении гарклуба назначается первое заседание вновь избранного горсовета с представителями фабзавкомов, месткома, исполбюро ячеек, делегатов красноармейских команд. На заседание приглашаются члены Президиума Губкома и Райкома РКП, члены Губисполкома и Уисполкома, члены Пленума Губпрофсовета и друг. представители парт. и профессиональных организаций.

Повестка дня:
1) Торжественное открытие нового состава горсовета (с приветствием от

гвардату, взрывом которой... взезд этого и на основании приказа команд. войск. (иского войс. оер. по охране государственного порядка и общественного спокойствия... нижепомощавание под лежат военно-полевому суду.)

Такова шаблонная сторона данного дела, унесшая в могилу лучших боевых коммунистов и зашкоровавшая казенным слогом действительное положение в дей.

Но и без в своем распоряжении сохранившиеся дело провозного и нового надзора, обнимающего район довести листов, и важный досудебный материал, добытый нами на местах выток и везку при тщательной и безпристрастной мы также безпристрастно явствуем и расшифрованы всего того, что скрыто условными знаками, казенным термином; в разоблачено сознательных и беззастенчивых работ продавшихся Колчаку нацистских и агентов интернационального капитала, в горлице тех кто в прошлой своей мученической этап шестидесяти мученичество-варшав, приносящих в жертву мировой коммунистический трудные молодые жизни и обильно смочивших своей горячей кровью застенки и тюрьмы Томска.

После знаменитая при содействии преступной эс-эровщины и «спасителя русского народа» чехов и польских эмиссаров-заговорщиков часть работников Томского совета Р. С. и Бр. и коммунистов организовала боевую группу «Томский комитет» всерос. партии коммунистов (большевиков), наметила программу действий, готовила печатные бланки и, задумав, пожелала повести революционное дело

пролетариата до победного конца ушла в подполье и там начала свою работу.
Задавая комитет был такими не давая повод войскам Томского гарнизона, мобилизовать в Томске и его уезде все партийные силы, снабжать их спиртными напитками и посылать на поддержку партизанских отрядов Штангина и Лубовца. Попутно с этим, настиг надежные египетские солдаты, в войска, перевозящими среди винтов и винты в связь и через эти винты вести агитацию и при падаму среди белых томских солдат, сбавая их периодически пропагандными, прилекая в свои боевые ячеики все больше и больше членов. Была налажена связь с мого-словацкими солдатами. Организация так хорошо налажена, что имела свой хорошо оборудованный «Белый Крест», с врачами, перевязочными средствами, работниками и работницами, санитарками из своих же членов—товарищей и со своими сборными пунктами и рабочими отрядами. Развернув, таким образом, организационную работу до максимума должно было состоять собрание, решавшее по заранее обдуманному плану выступить в деле. Всем бы выступившие это дело не удалось, то, несколько по случаю или иному решено продолжать дальнейшую работу в том же духе.

Только такой тактической комитет мог отстоять внимание командир войскам частей Томского гарнизона от дальнейшего фронта, прикрывая их в городе и вынуждая добывать мелкие отрядами по городам, селам и окрестностям.

ПАМЯТИ СЛАВНЫХ

Ф. Суховерков-Сычев (Франц), И. Григорьев (Кеша), К. Ильмер (Вейс).

Ф. Суховерков (Франц).

Это был мускулистый, среднего роста человек. Энергичное лицо, серые глаза,—такова его внешность. Во всей его наружности, фигуре, чувствовалось какое то мощное стремление, какая то внутренняя сосредоточенность.

Нес в черном, в военной, вдуши огромный шагима смелю и уверенно—такия а видел его в первый раз. И теперь после не скольких лет, когда а вспоминаю о нем, вся его жизнь, весь он представляется такой могучий, с сосредоточенной силой к действию.

И помню маленький город, ето добрый тахий, как то вдруг про спутались замученный, наковлив шийся гротомом и систом авто мобилей. И в этом шуме и затем зашумел—я помню—его мускули стого, крепкого, всегда готового к действию, выполняющего прошлую работу по спасению народного достояния от рук белых варваров.

Я точно вижу его, слышу его голос: острочувствительный. В этой манере говорить чувствовалась на мая то внутренняя сосредоточен ность, точно это голос боеца, тысяч людей, мускулистый, силь ных идущих смелю и твердо, под внимающих шум режаний, отчетли вый, быстрый.

Контр-революция вставила нас тесно сплотиться, протянуть друг другу руки для тесной обшей ра боты, для подготовки вооруженной борьбы за коммунизм. Это было время величайших испытаний, в котороме габнут силы, в котороме душа слабых и безвольных над ламывается и умирает.

В эти первые дни реакции мно те старые, завзятые партийные работники не могли противостоять вить свою волю надвинувшейся контр революционной выте. Огре заные, рабитые, маленький ост ров среди бушующего моря—таке на была партия коммунистов.

И в эти дни, он был все такия же, как раньше. Непрерывным борцом, уверенным как раньше и еще с большей энергией, с боль шим энтузиазмом отдавшийся ра боте при наступивших исцита

ниях. Мы пережили величайшее поражение—советская власть была свергнута в Сибири—но не было основанной все хорювить. И если раньше он отдавал себя профессио нальной работе, то теперь, когда положено было ясно, когда тре бовались сильные руки, крепкие головы и непреклонная воля—он ввязался за то, что нужно было делать.

Разбитый рабочий класс, побеж дающая контр-революция. Несхо димо было дать рабочим выбитое из рук оружие, указать ближай шую жизненную задачу, вывести его из тупика напрасного отчаяния. И когда встал вопрос об отъезде дальше в Россию, с отсутствием возможности, он просто и ясно сказал себе: необходимо остаться в Сибири.

И мы встретили на встречу на походе среди бушующей бело-зеле ной контр-революции. И нашим комсомом было—стремление делать то дело, которое делать было необходимо.

За эти дни, такия спокойные и радостные в природе, в эти дни когда перед нами все время рас тизалась зеленая ковер—и мы бы ли одна с природой, я узнала его лучше, а ближе и теснее пошу рилась с ним. И с тех пор он стал для меня братом, другом, честным, хорошим. В нем я видела сильную, грядущей победы рабочей революции. Он был по истине настоящим пролетарием-коммунистом, в котороме голоса тысяч такия же мощных, сильных кричали сосредоточенно и сильно.

В эти предостережение дни, такия солнечные и радостные, я узнала его современную часть его, кото рая скрыта за его волей, твер достью, энергией—его магную, вселенную энтузиазмом душу. Затем настали дни борьбы, дни работы, такия страшные и трагиче ские при своей простоте. Для усилий наравнати, создать рабиз тую партию, организовать и спло тить рабочие массы. Эти дни за ставляли быть всегда настороже, быть всегда готовым к нападению врага и в эти дни сказалась во всей полноте его железная воля

его неутомимая энергия. Работа в областном комитете партии, рабо та в Томске, Омске и наконец отъезд в Красноярск для инструк тирования организации который имел огромное значение для всей работы в Сибири—такою веки. В это время уже совершенно ясно вырисовывались очертание пред стоящей борьбы, этаки развития контр-революции.

От слов нужно было приступать к делу. Нужно было наладить ап парат партийно-боевой работы. И в то же время организовать на боюче и крестьянские массы. Колоссальная работа, выходящая на дело нескольких человек. И в эти моменты Франц был всегда полон энтузиазма, уверенности в победе.

И помню его последний отъезд на Томск. И прощался он и очень важное путешествие—последнее, которое стоило ему жизни. И не смотря на то, что работа была крайне большая, я спросила его: «Ты уверен, что выдержишь? и он утвердительно мотнул головой. И почувствовал, я был вполне уве рен, что он сделает то, что нуж но. И больше для его не впадал. Возвращаясь назад, в Тайге он был выдан неравном, имя кото рого да будет проклято.

Его привезли в Томск, и сотни листовок решали дело. 30 сен тямбра мы получили записку: арестован на ст. Тайга, с полутора стами листовок. А 15 октября, спустя две недели, мы получили последнюю его записку: вот ее содержание.

«Дорогие товарищи! Военно-по лезный судом приговорен к смер тельной казни, которая будет приве дена в исполнение через два часа. Умираю за социальную справедлив ость, шав прилет живым това ризцам. Франц».

Это было его последнее письмо. В тот же день его расстреляли у ст. Томск I.

И те нацары, кто видел его живым, говорили, что он был со вершенно спокоен, и даже улы бался.

Так он умер. И не пишу его биографии, в нескольких строках

не расскажешь о нем, о его жи зни, такой большой, полной досто иной борьбы, работы, тюрьмы и ссылки.

В этих строках я хотел лишь вспомнить о нем такия, какия он был.

В день пролетарского траура, преклоняться перед памятью то варища друга брата.

И. Григорьев (Кеша).

Он был в числе тех 16, кото рые были замучены, убиты нака зной контр-революции. Он был душой томской организации.

Молодой, в голубых глазах, тихий, спокойный, он нес огром ную работу.

Все, кто знал его, не мог не почувствовать к нему самой боль шой дружбы. В его глазах, во всей его фигуре, в его словах—чувствовалось его светлая, радост ная, молодая вера в торжество коммунизма. В те дни, черные не радостные, когда палачи торже ствовали, когда гнусная провока ция съезжала свое дело, и когда 16 человек молодых, полных жизни и сил стояли лицом к смерти—он был такия же. Он так же радост но, как шел на борьбу, пошел на смерть, радостно отдавая жизнь за рабочее дело. Это была чуже дный человек, мягкий, полный люб ви к жизни, ко всему хорошему, что должно быть в ней.

И те, кто знал его, те, кто впе дал его неутомимую энергию, его энтузиазм, его постоянную бодр ость, которая на оставалась его в самые тяжелые минуты, преклон яются перед его памятью.

Вечная память честному борцу за коммунизм.

К. Ильмер (Вейс).

Порывистый, живой и в то же время непреломный—точно моло дой лед—такою он был. К его энтузиазму, присоединилась та ре шительность, твердость в дей ствие, которая ворочает горами. Его нельзя было победить. Он отдаст свою жизнь, но никогда враг не услышит от него ничего, кроме востопки. Во время револю ции он отдавал свою энергию, свою волю на то, чтобы прокор

мить рабочих красных етолиц. Здесь в Сибири, в стране хлеба, он все силы положил на то, что бы этот хлеб шел к голодающим товарищам. И когда контр-револю ция железной стеной отгородила Сибирь от Советской России, он все силы и жизнь отдал на борьбу с реакцией, на неравную жестокою борьбу, в которой с одной стороны была техника, оду раченные массы, набитые карма ны, а с другой—лукча, смелый, прочуванный доверю для торже ства в Сибири Советской власти.

В этой борьбе нужна была силь ная воля—и он ее имел, воля была железная непреклонная—и он был полон ей. Работая в партийно-военном штабе, органи зуя восстание, он бесстрашно не рвал, что победа близка, что один изгиб, мощный, уверенный, и контр-ре волю будет разбито. Имена повалила другое. Имена выражала из ртов борцов самых лучших товарищей.

Победа пришла после долгих месяцев борьбы.

Его непреклонная воля толкала его вперед в первые ряды, туда, где была наибольшая опасность. И в восстании в Томске и февале, которое было разбито, он был в первых рядах. Он начал дело. Он первый бросился на врага. И погиб вместе с другими.

Это была необычайно цельная натура. Это был человек, точно выбитый из граната, закованный энтузиазмом, верой в победу рабо чей революции, смело отдавший себя на самое слабое, самое рискованное дело. Когда он был арестован и когда его пытали, пы тали беспощадно, так как умеет пытать палача,—от него не услы шали ни одного слова с просьбой о пощаде. Он смеялся над врагами, над ренузданными паками контр-революции. И его замучили. Он умер, как должен умирать ком мунист, отдавший рабочий револю ции все силы, все стокан своей души. Молодой, сильный, полный энтузиазма, он был замучен. Веч ное проклятие его палачам.

Конст. Молотов.

Из жизни красной армии.

Силуэты.

Преодо мной проходит пошеме ве рования базиса дорогих лиц.

Вот мой брат Песак Азарх.

Первый красный Кокириг по гибший 15-го августа под Сам бирском. Один из первых знамен носов на золотую доску революции.

Православие 55-го полка. Во время боя с чехами сформиро ванный им бригаде пришлось всту пать в бой с двумя дивизиями противника.

В наиболее опасном месте он командовал сам лично.

Подеревенные не подождали, он отдал приказ отступить по всему участку и чтобы прикрыть отступ ление сам отступает у пулемета в упор стреляя в противника.

Бригада снесена, нет команди ра, чехи зарубили его на месте, надругавшись над телом.

Когда через 3 часа противник был выбит назад, только зарубе ченную голову и руку.

Это Рудь. Могучий сильный луганский рабочий с завода Гарт лана.

Им командует Рудь. В мае 19 года он летел в Петляроу на участке Житомир—Возняк.

На заседание Совнаркома при бегают с известиями, что привезли умирающего Рудя. Наша группа южных работников бросает заседа ние едем на вокзал. Везижа нное тело, нуль еше бьетца. Иранцель нанесла тяжелое ране ние в живот, Рудь етоля мазерку и сам командова боем.

Смерть очевидна. Принимаем, все что можно.

Через 25 минут Рудь на опе рационном столе лучшей лечеб ной. Оперируют лучшие хирурги Елене, одна почка раздроблена на куски, другая наполовину. Физ икало, но надежды на жизнь наю.

Темная ночь. Е утро равений забылся, а через 2 недели он уже ходил на прогулку, через 3 не делью командова боем.

Профессора, вооружившись всей наукой горючили, что есам выжи вет, то будет извалды.

Рудь же был силен и мощен как в детстве.

Надо быть Донкичана я не могу делать.

И как лет, он ринулся вперед со своим полком.

Под Кременчугом в бою Рудь был окружен противником, кото рый раздробил часть режеса.

Пытаюсь взорвать броненяк, Рудь был зарублен пашкой.

Кто это? фамилия я не знаю.

Комиссар одного из полков яхотел 82, дравинный с нами проти вник Григорьевца на участке Ял сасветград—Помошана.

Часа в 3 ночи мы выехали на выехать часть етоющую у ст. Ко нотная.

Настраение боевое уверенное. Сильные звонкие песни, молодые голоса. В этот день на Оксесм при была новая часть, товарищи не знающие, присматривались.

Молодецкие личико воюши, ком иссара полка. Поет как то осо бенно, уверен—победа.

На утро боем, тяжелые, кровопро лиятые, комиссар рядом со мной, вместе командую боем. Против ник обомел нас; ухват артиллерия с тыла.

Другую левый фланг, вот он охватился за лесом. Рудь ед я леу. Часть переходит в атаку.

Неожиданная система боев при поддержке броненосцев и все время деки едет за димками на ровном.

Отдаю распоряжение броненякам идти вперед какой угодно ценой.

Молодецкий комиссар в самых опасных местах, за несколько ча сов раз 10, части бросалась в ата ку руководимые им.

И, комиссар и несколько весто вич в центре, направляется к правому флангу откуда уже огово часу нет донесений.

Вабрираем на притерок и ого рошения—представившаяся парти ю—наши деки расселись, а сильной стеной наступает проти вник. Завидели нас, комиссар ко вная разведка напереро.

Соприотделенно безостаново, но ррпелен бител до последнего и невольничать единственно име ющийся у нас путь,—отступать в броненяк.

Вопрос—успеем ли избежать. Наши полк 63й чудовища етоупают але еше.

Вот нас заметили, с плащадок срывается группа бежит на вы ружку, пулеметы открывают ура ганский огонь по противнику устра ивая занесу.

Но добежим, ема нет, а комине убо почти палатели, дико разма хивая пашками.

Но так близок только в озна чении и в революции. Пом-меня под хватывают любящие руки и через секунду сотни рук протягиваются с плащадок.

Последним пеллетелся комиссар полка, вот он успешился за подож ку; падает от нашей пули развед чик, но его сабя все же успева ет срубить голову молодого това ризца.

Алая кровь схемалась и потек ла одним ручейком—герой и пре датель.

Под натпором сильных частей Донкичана мы отходили. Но что это было за отход.

Участок Харьков—Петляра бук вально полет кровию.

Шли бой под Константинограмом подтор ожесточенных кровавых схла тощ.

Наконец город вилт. Противник етощел.

«Тогда етлать мы стали рами, товарищам етлать».

Безпрерывно работая наш чере довой переключенный отряд. Перова л обидел с ног.—Е ночи позвол прератилась, можно было передох нуть.

Подожку. Группа денкичских солдат, их привел санитар. А это Ваш! Смотри и несмотря на то что видела виды поштываться. Лица нет, вместо всего анимация дыра.

Это красноармеец Иван Стар ков.

Он попал в плен, но не жель естелиться приставил к подбородку вилчотку и вметрелил. Пуля его убила, а только исколечила. Нет языка, челюсть, нос.

Денкичский всех раненных перепо лодил, а на этого посетрел скадали: пусть пожеет и бросая в пог риб.

Я такою промывал ему лицо и корыл а ложки. Говорит он не жель все это он мне шептал.

С места где было лицо глядели на нас сияющие лунные глаза. Персонал рыдал.

грозную мощную боевую единицу.

Это было в начале 19 года в бою с Петляроу на западном фронте. Противник внезапно вошел наступление крупными силами.

С нашей стороны в бой была брошена сразу одна сотня.

Ен пришлось отступить.

На поле битым остался раненый казак.

К нему подошли 2 петляроуца. Завидев красные лапаша они об радковались.

За живого червоного казана Петляроу назначили 25 т. рублей, за мертвого 10.

Разгорелась личность мардеро в. Скадывсь красули они.

Червоный казак, но сдается а укрет.

Отдали словани раненый челди ес на здоровую руку выхватил нау рер. Двумя руками уложил расте рившихся мардер и третья пустил себе в лоб.

Когда наши части перешли в наступление, то были удавлены ре волюционными ранеными.

На другой день необъяснимое выжило.

Группа петляроуных офицеров прислала командиру письмо в кото ром ели елике заперенсидш. случай зазавили так: Несмотря на слашу огромную к Вам неаляе, мы проделываем перед германом и храбростью Ваших солдат.

И здесь набросала только что что процессе преде мной в этот такий лунный вечер.

Разно можно описать все важ чаише в мировой истории победы и победы великой Красной Армии.

Р. Азарх.

Мученица.

2-го ноября 19 г. в Томске была арестована проживавшая под фамилией Нарковская коммунистка тов. А. В. Сафонова, жена известного коммуниста Н. И. Дюжова.

При обыске, кроме чистых спортивных блуз, ничего не найдено, а следовательно и фотически документально ее «арестованности» за исключением государственного доносца не имеется. Видимо только на основании этого доноса ее — коммунистку обвинили в организации какого-то «блада левых» в городе.

Для допроса тов. Сафонова была предпринята в помещавшееся у райкома и помещена в темной каменной камере, несмотря на газетный всевозможных отрясаив. Дюжов находится под канцелярской печатью командантского управления.

Этот вечер безмятежно спит, свое согласие на этот шаг еще не дал, вместо этого в страшной пытке над арестованными товарищами. Отсюда вы послали только подмерзших и мертвых, арестованных и частично смеющихся, «мертвых от сытного тифа».

Вот, в так-то возмездия, где христианство и тогда свеленная кровь мужественных борцов пролетарской революции, неведомая зверства пытки тов. Сафонову.

Обыкновенно, расстрелянную на эшафоте позу, безумные позы веры порою беззащитную женщину, порою школьницу и нянюшку, посылает в провалы рамы соли и снова в провал, ста здесь вырвать приравняв.

Превратился грех мученицы, превратился и стены, но пора, ужасная пора — продолжалась...

Припавшей и плачущей не вы боли.

Могучий дух женщины коммунистки, победил вооруженную силу козачьих опричников.

Поумертвовав и оробевшим мученицу вынесли из ужасного подвала и уехали.

Но в болынии, — нет... Зверш грядут и ругут на два десятилетия.

Ее увезли на гарнизонную гаупт-вахту и в страшную камеру № 9, предназначенную для смертников, в том числе, когда звали тов. Сафонову на гауптвахту в подвале уже снова мучили и пытали — мучили тов. Вахтанг, который через три дня и скончался на гауптвахте.

Пол и стены этой камеры сплошь покрыты пятнами и брызгами крови замученных товарищей.

Около двух суток тов. Сафонова не приходила в себя и все это время находилась без врачебной помощи — полурастая и в том-же оробевшем белом. Всякая попытка переломить ей хотя бы белое рабавалась с сознательную жестокость опричнков. Только благо даря нежному организму, да сочувствием солдат-часовых сохранялась жизнь ее.

12-го ноября тов. Сафонову под руки вывели из гарнизонной гаупт-вахты и отравили в Маринские в отряд Струна, где она была судима военным судом и, несмотря на самые нежелательные обвинения и полное отсутствие доказательств, была приговорена к смертной казни. Но в самый день казни, при помощи двух сочувствующих офицеров, ей устроили побег. Этот побег, по своей легендарной обстановке знаменательна.

Тов. Сафонова жила и продолжала работу для «контрастной» победы пролетарской революции.

Карпов.

Нищие духом.

Ирине Болдыревна.

Есть бумажная вахта. Она не дает спать. Но есть и другая, она тоже стремительно падает. Бажма лев и каждый час наши прежние духовные ценности таят и сохнут. О духовном разложении, когда до горючего своим идеализмом интеллигент, дышит в «Полем Мир» — известный писатель — народный Тар.

«Сколько переценено, сколько Петров, готовых отречься от преднего Христа, даже не трижды, а триста, три тысячи раз...»

Встретил социалиста, заслуженной «романовской» марки.

Почтеннейший старец поднимает руки и поет: «Есть это социализм, я променяю социализм!»

Постойте, говорю — ведь это историческая форма, единственно возможная при данных обстоятельствах.

А он совершенно качает головой:

«Вместе с вами мы сели в катор, а пожинаем бурю»...

Позовите — говорю. Но мы ведь одни сошли, ко какие помыслы пролезли также и департаменты полиции, Распутин и прочие — зачем же принимать на себя всю ответственность?»

Но он не слушает:

«Нет, нет! мы заманивали в землю драконовои зубы вражды и она пролезла и выросла междуусобной войной».

Да много ли, говорю, мы закопали Вильгельм, Бемансо и компания закопали десять миллионов трунов. Ведь это пошнее, чем горсть зубов, хотя бы и драконовых.

Третий заскакивает прямо без изворота.

«Занитесь, говорит, за все ваше прошлое, как я казюсь»...

Кризисом Болдыревна.

Есть бумажная вахта. Она не дает спать. Но есть и другая, она тоже стремительно падает. Бажма лев и каждый час наши прежние духовные ценности таят и сохнут. О духовном разложении, когда до горючего своим идеализмом интеллигент, дышит в «Полем Мир» — известный писатель — народный Тар.

«Сколько переценено, сколько Петров, готовых отречься от преднего Христа, даже не трижды, а триста, три тысячи раз...»

Встретил социалиста, заслуженной «романовской» марки.

Почтеннейший старец поднимает руки и поет: «Есть это социализм, я променяю социализм!»

Постойте, говорю — ведь это историческая форма, единственно возможная при данных обстоятельствах.

А он совершенно качает головой:

«Вместе с вами мы сели в катор, а пожинаем бурю»...

Позовите — говорю. Но мы ведь одни сошли, ко какие помыслы пролезли также и департаменты полиции, Распутин и прочие — зачем же принимать на себя всю ответственность?»

Но он не слушает:

«Нет, нет! мы заманивали в землю драконовои зубы вражды и она пролезла и выросла междуусобной войной».

Да много ли, говорю, мы закопали Вильгельм, Бемансо и компания закопали десять миллионов трунов. Ведь это пошнее, чем горсть зубов, хотя бы и драконовых.

Третий заскакивает прямо без изворота.

«Занитесь, говорит, за все ваше прошлое, как я казюсь»...

Исход.

Всеплодн и мёртва пустыня Сири.

Грубо и ругливо, ни тени, Липы солид — медные и разломанные орехи

Змет измолочные, уставые колени,

Мунтолен и бесконечн муть,

Заблужден олеи неспаян,

И синов: багровую на дарапанов муть

Встают мираж Земли обетованной...

И спомог прохлады манит сад,

И смотрят в узор зелёный

Тяжелым кистями виноград,

Над Иорданом светлыми студеным...

Но вот опять зловещая тоска,

И спазмы голода и жажды,

И падает проклятия в язык —

Проклятия обманувшего дважды.

О, мило из египетских котлов,

О, хлеб вавилон — Фараона!

Ногова по сыпью наших слез.

И небо гудит стадо и наши стенам!

Так плакала и сетовал народ

В пустыне злобой и бабровой,

А Моисей все шёл и шел вперед

И крепче жезл в руках скиная железный!

К. Хохлов.

Всеплодн и мёртва пустыня Сири.

Грубо и ругливо, ни тени, Липы солид — медные и разломанные орехи

Змет измолочные, уставые колени,

Мунтолен и бесконечн муть,

Заблужден олеи неспаян,

И синов: багровую на дарапанов муть

Встают мираж Земли обетованной...

И спомог прохлады манит сад,

И смотрят в узор зелёный

Тяжелым кистями виноград,

Над Иорданом светлыми студеным...

Но вот опять зловещая тоска,

И спазмы голода и жажды,

И падает проклятия в язык —

Проклятия обманувшего дважды.

О, мило из египетских котлов,

О, хлеб вавилон — Фараона!

Ногова по сыпью наших слез.

И небо гудит стадо и наши стенам!

Так плакала и сетовал народ

В пустыне злобой и бабровой,

А Моисей все шёл и шел вперед

И крепче жезл в руках скиная железный!

К. Хохлов.

В дни рождим.

Наудавшесся восстание.

То, к чему готовились, случилось как-то неожиданно.

Подготовка к восстанию шла, но мы были еще не готовы. С утра на самарскую землю, с похоронного тупика неба, падал снег. Почти безразлично для холодный ветер. На Еланской улице, у здания гарнизонной гауптвахты, стоял сильный отряд пехоты, а у здания уездного варау. Мне нездорово бродилась в глаза какое-то тревожащее состояние солдат и товарищеская жила офицеров. Но заходя в университет, я вернулась домой. Немного спустя зашел тов. Г. и сказал, чтобы я ни куда не уходила. Почему не уходит? Что случилось?

Приблизительно через час зашел тов. В., которая предожгла мобилизовать товарищей, состоявших в военной организации, и ждать дальнейших инструкций.

Короткий выборский день котчаев. Приближалась долгая зимняя ночь, а на улице по временному свирепела буря. Вскоре пришла тов. В., которая сообщила, что

на ночь бежали из тюрьмы наши товарищи; к ним присоединились два роты солдат. В каком положении они находятся сейчас, неизвестно.

Собравшись у плава г. Томска, стали обсуждать какими бы путем можно было незаметно продвигаться нам через город и оказать помощь восставшим. Во время разговора пришел тов. Ш. Его сообщение было неутешительно: восстание будет подавлено, в виду невозможности познать сегодня всех рабочих для захвата власти. Наме настроены сильно опечалены, но как-то не хотелось верить, что выступление кончится ничем.

Поздно вечером было получено сообщение, что дело идет в кону; восстание будет ликвидировано через несколько часов. На следующий день по городу была уже разнесено официальное сообщение, о том что ввечка безумцев — большевиков выступила против законной власти, но эта попытка подавлена вооруженной рукой. В

Кези тот социалистический перевет в националистам, тоже, разумеется бывшим Романовской эпохи, которые когда то так много говорили о «величии» русского народа, то и здесь дело не лучше...

«Русские горе, преступники убийцы. Нет жал, нет жужки, постыднее преступного Российского народа»...

Так они шипут...

Страшно жить с ними, страшно их слушать!

«Надо отойти от них в одиночестве, погрузиться в молчаливое и собственной души и тогда вместо исторических вошей звучит тяжелое и мерное — дап звучит вперед.

Давно зерно скрывают, это

Кризисом Болдыревна.

Есть бумажная вахта. Она не дает спать. Но есть и другая, она тоже стремительно падает. Бажма лев и каждый час наши прежние духовные ценности таят и сохнут. О духовном разложении, когда до горючего своим идеализмом интеллигент, дышит в «Полем Мир» — известный писатель — народный Тар.

«Сколько переценено, сколько Петров, готовых отречься от преднего Христа, даже не трижды, а триста, три тысячи раз...»

Встретил социалиста, заслуженной «романовской» марки.

Почтеннейший старец поднимает руки и поет: «Есть это социализм, я променяю социализм!»

Постойте, говорю — ведь это историческая форма, единственно возможная при данных обстоятельствах.

А он совершенно качает головой:

«Вместе с вами мы сели в катор, а пожинаем бурю»...

Позовите — говорю. Но мы ведь одни сошли, ко какие помыслы пролезли также и департаменты полиции, Распутин и прочие — зачем же принимать на себя всю ответственность?»

Но он не слушает:

«Нет, нет! мы заманивали в землю драконовои зубы вражды и она пролезла и выросла междуусобной войной».

Да много ли, говорю, мы закопали Вильгельм, Бемансо и компания закопали десять миллионов трунов. Ведь это пошнее, чем горсть зубов, хотя бы и драконовых.

Третий заскакивает прямо без изворота.

«Занитесь, говорит, за все ваше прошлое, как я казюсь»...

Рабочее движение на западе.

Рабочее движение на Западе переживает великий кризис. Несмотря на все успехи в последние годы, положение было в 1919 году, как указывал в своем докладе Конгрессу III Интернационала т. Троцкий. После 1919 г. весьма осторожно буржуазия начинает переходить в наступление против рабочего класса. Текущий 1921 год является годом сильного натиска буржуазии на рабочий класс. Это наступление более широко проявляется в понижении заработной платы. Сейчас таковое проводится широко по всей Европе и Америке.

Таковое положение вызывает в рабочем классе естественный отклик. Но в разных странах в зависимости от различных условий и, главным образом, от организации рабочих, эта реакция имеет свои особые формы.

Однако почти во всех странах можно отметить образование ультра-левых групп рабочих. Эти «левые» весьма немногочисленны. Среди них преобладающую роль играют анархистские и анархо-синдикалистские элементы. Их идеология весьма справочно названа т. Троцким истерическо-революционной идеологией. Это парте фразы, отсутствия какой бы то ни было выдержки, тактики, определенной линии. Таковой в Германии является так называемая «Рабочая Коммунистическая Партия Германии».

Этой боковой отрожек рабочего движения есть явное выражение непосредственной реакции некоторой части рабочих на наступление капиталистов. Но эта реакция без продуманного пути, без ясно видимой цели.

Громадная масса рабочих во время войны и долго после нее была увлечена пролетариата — «ожидания» на путь соглашения с буржуазией. И теперь, когда буржу-

азия грубо и вполне определенно переходит в наступление, эта масса, разочаровавшаяся в своих «ожиданиях», потерявшая в чих пугу, начинает искать новые пути. Основания масса пролетариата дель от для решительные потехода на сторону коммунизма. Часть пролетарской массы все еще продолжает быть в растерзанности и недоумении, хваталась еще за своих прежних вождей и в то же время свои симпатии переноса на сторону коммунизма. Так например, часть французских синдикалистов оттолкнувшись от Американского (опоруднистического) Интернационала профсоюзной, и в то же время не примыкает к Московскому (революционному, коммунистическому) Интернационалу профсоюзной. И, наконец, ничтожная часть пролетариата (наиболее слабые и горячие головы) бросаются в объятия анархизма.

Действуя в такой среде, где различные пласты пролетариата постепенно и по разным направлениям отталкиваются от старых «вождей», отравляются от старой политики борьбы и медленно прижимают к выдержанной коммунистической партии, коммунистическим организациям пролетариата выталкиваются на всеосильнейшую трудность психологического характера.

Поэтому отложив от основных взглядов коммунистической тактики среди пролетариата Европы и Америки является предостережение их предразсудков, воспитанных тактикой предательских вождей с одной стороны и с другой — решительная борьба с анархистскими тенденциями в рабочем классе. Про эти «левые» полумарксистические организации тов. Троцкий очень метко сказал: «Они будут представлять ва себя «левое чудство», на котором мы будем учить стратегий рабочий класс».

А. Аросов.

Архивы революции

В «Архиве русской революции», издаваемом И. В. Гессеном в Берлине (изд. «Известия» 1921 г.) пишут о революции все слышное ею в архив бывшие люди.

Октябрьская революция — с другой стороны... Октябрьская революция, революционная и освободительная, других, которых нет уже, политические мерзавцами, говорящими мертвые слова о живой революции...

«В Советской России существует только большевистская пресса, исключающая националистические задания и все осуждающая иную жизнь страны, единственные границы печатать имеют единственную целью борьбу с большевиками».

Так слышно и обозначены задания Архива.

Нет сомнения, что в этот архив имеет своей целью борьбу с большевиками. В первом томе больше статьи и воспоминания. В. Набокова, генерала П. Краснова, П. Кривошара, воспоминаний других и много безобразнейших документов. Все написано теми, кто неизменно нас, что боролся против нас, был победен и отравил в своих повестях горькую злую тоску.

Архив, обратный против нас... И, давало, нет и не может быть более яркой агитации за Октябрьскую революцию, чем его содержание.

Центр интереса, конечно, в воспоминания П. Н. Краснова «На внутреннем фронте» о днях

Октябрьской революции. 25-го в ноября вью Красное встретил Пешко бежавшего на Петроград Красного, был объявлен главнокомандующим армией временного правительства, действующей против большевиков, прошея с этой армией до Лукина, был там ранен матросами и красноармейцами, и, Керенский, бежал второй раз, а все армия генерала Краснова без остатка смешалась с большевистскими отрядами.

П. Краснов ярый и талантливый беллетрист. В его изображении необыкновенно живо встают все фигуры Октябрьских дней. Неважно подмечая обилие подробной волеи октябрьского интуизма, старый казачий генерал дышит о людях этих дней с бесспорной симпатией и победителями, и толпе рабочих и матросов, одолевших его собственных казаков.

«Утром 1-го ноября представлял махровое «Дябленое сам пожелало к нам. Громадного роста, красавец мученик, с вышними чертами худрости, черными усами и юной бородавкой, с белыми тонкими глазами, безотливый, румяный, зарывающий неслыш, сверляющей бажмы зубами, с готовой улыбочкой на смелом рте, физическая — сила, манящая нас к благополучию, он очаровал в несколько минут не только казаков, но и многих офицеров».

Это она сторона. Вот — вождь другой стороны!

«Я встал Керенского смертельно бледным в дальнем конце его квартиры, я рассказал ему, что настало время, когда ему надо уйти. Двор был полон матросами и казаками».

Как ни велика наша вина перед Россией, — сказал я, — я не считаю себя в поле судить вас. За полчаса времени я вам ручаюсь».

Вышел из Керенского, я через выданных казаков устроил так, что сразу долгие не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского по имени. Он бежал.

Казаки кинулись ко мне. Они были страшно возбуждены против меня. Раздавался голос о моем аресте, о том, что я предал их, давши возможность Керенскому бежать».

В короткой почти сухой характеристике быстро пронесшихся фактов жестоко осужден. Так говорит не один П. Краснов. В Набоков дает Керенскому в своем литературном портрете рисует такие же овертации. Как будто односторонне все, что помнит об Октябре по собственному участию в нем, совершенно односторонне понимают и оценивают Керенского.

Но я знаю, насколько достоверно П. Краснов утверждает, что встал Савинков предлагая в виду дати отступить Керенского о лужи борьбы духа слух.

Офицеры моего отряда возмущались поведением Керенского. Его популяриность пала. Он — никто в России, и глубоко поддерживал его. Вероятно, под влиянием

разговоров с офицерами и казаками, которые говорили: — пойдем с кем угодно, но не с Керенским, во мне встал Савинков и продолжал мне убраться Керенского, доставать его и самому стать по главе движения».

Краснов Керенского не видел, но и не помнил с ним. Он правдиво описал положение.

Матросы говорили с казаками: — «Соединимся, товарищи, вместе в Россия наша. Подем вместе».

— Так что же вы, товарищи воевали? — говорили казаки.

— А вы же?

И разведая руками. И никто не понимал ни за что была пролита кровь и лежали мертвые у тотых ног...

Воспоминания Я. Набокова темней и тяжелей. Управляющий делами временного правительства ученый юрист, профессиональный политик, он все-таки ничего и не понимал, и не мог понять в событиях революции. На некотором расстоянии времени он представлял ее как то что исполнилось, несомненно, хатическое, лупучее совершенно вразре со старыми понятиями и во всем непонятное.

Отзыв о временном правительстве: в день Октябрьской революции «прошлого в Совете республике обычных тайфетный и в данных условиях особенно поражающий своей неужестокостью и широтой процесс — отбрасывая таких компромиссных фигур, которые могли бы быть поддержаны нами ни есть большинство. Кадеты в конце концов своей фор-

му не предложили. В наиболее решительный момент Совет республики оказался несостоятельным... базировал тупость, фанатизм слов и форму, отсутствие государственного чутья... преобладало растерянное, невозможное, беспомощное газетное».

И вот: «все газетные пункты в руках большевиков, дело временного правительства проиграно. Наша задача спасти Керенского, узнать его поскорее на автомобиле, настрочу тем оставшимся силами пр. правительству войсками, которые деваются к Луге».

Мы знаем уже, по рассказу Краснова, как «встретил внешний фронт Октябрьской революции Керенского, бежавшего с фронта внутреннего».

Минуя остальное содержание «Архива», хотелось бы остановиться на нескольких строчках из документов прошлого года, — о польской войне. Нигде в другом месте не случалось прочесть, — да и не поверилось бы, — такого жуткого рассказа об отступлении поляков: «Мы ехали среди грабежей, избиений и пожаров, чужим отступившей польской армии. Обыкновенно от страха поляки... Мы присутствовали при возмущательном обращении в вагонном народом, преимущественно евреев. Внезапно разнесся слух, что большевики входят в город. На шоссе ринулись военные обозы, обозы Краснова, артиллерия, пехота. Возвратились заплясав построены, армия — здесь сварады, водятся в автобусе ревелы, что их котам сейчас взорвутся, большевики стреляли на тяжелых орудиях и на пулеметах».

жители бросали бомбы в отступающую армию, одним словом восторженый хаос».

В заключение, несколько слов на документальное Девятого и Юдиза-го.

4-го августа 1919 г. — начальник асех союзных военных комиссий писал Юденичу: «Заявление, что есиюны совсем не помогают белым русским — явный вздор, так как есиюны снаряжены, отправленного Колчаку и Деникину, явно показывают это. Миллионы людей, тысячи тонн и колоссальные количества военного снаряжения уже получены русскими армиями. Десять миллионов было велико напряжением и до какой степени малым результатом, что армиям обещанное мнение Англии согласится нести такие бремя. Бернштейн, внаеме, что самые большевистские элементы, которые были причиной законного неудовольствия в русской армии, снова доведут беззастенчиво России до полного уничтожения. Многие русские командиры пулюнами или палькой коротки... Скажете другим дурман...»

Достаточно... Впрочем, здесь же в этом письме Леонида Андреева тоже же писал: «В Колчака я утвердился. Кажется, я стою...»

Перечитать этого белогвардейского Архива русской революции была бы огромной и агитационной исторической действительностью для нас. Наши враги документально — говорят с себе так много, что не надо добавлять своих комментариев и предостережений об «ошибках» и «предостережениях» «белой России».

Валентин Рожаницы.

